

Линь Цзяэр разглядывал амулет на ладони Мо Линьюаня — ветхий, потрёпанный, сложенный из старой жёлтой бумаги. Ничего примечательного.

В конце концов, не удержавшись, он протянул лапу и поддел его когтем. Пушистая лапка с мягкими подушечками легла прямо на ладонь Мо Линьюаня, касаясь одновременно и амулета, и тёплой кожи под ним.

Мо Линьюань смотрел на маленькую бесцеремонную лапку, и взгляд его теплел — но уже в следующий миг ладонь обожгло жаром.

Линь Цзяэр почувствовал это не хуже: подушечки у него были особенно чувствительные. Лапа молниеносно дёрнулась назад, кошачьи зрачки расширились — амулет горел. Прямо на ладони у Мо Линьюаня.

Линь Цзяэр выпучил глаза и принялся лупить лапой по руке — раз, другой, третий. Огонёк не шелохнулся, словно врос в кожу.

Белый пушистый ком запаниковал. Он закружил вокруг Мо Линьюаня, отчаянно мяуча:

— Мяу! Мяу! Мяу!

«Ты что, дурак?! Сбрось это немедленно!»

Раньше он и сам держал этот амулет в лапах — и ничего не происходило. Почему же сейчас загорелся?!

Мо Линьюань перевернул ладонь вниз. Видя тревогу Дабая, он произнёс спокойно:

— Всё нормально. Просто тепло, никакого жжения.

Линь Цзяэр недоверчиво воззрился — и правда: огонь горел, а кожа вокруг оставалась нетронутой, ни покраснения, ни следов ожога. Он медленно выдохнул.

Они оба уставились на пляшущий огонёк — человек и кот.

— Мяу? — «Точно не больно?»

Мо Линьюань кивнул и осторожно потрогал пламя другой рукой. Помимо тепла и лёгкого покалывания — ничего особенного.

Линь Цзяэр потянулся следом — Мо Линьюань отвёл руку.

Кот склонил голову набок. В кошачьих глазах светилось чистое непонимание: мол, почему нельзя?

Мо Линьюань погладил белого пушистика по голове:

— Просто смотри. Вдруг шерстку подпалишь — что тогда?

Он видел, как среагировал Дабай на огонь. Рисковать не хотел.

Линь Цзяэр покосился на безупречно белую шерсть своих лапок и мгновенно отдёрнул их. Облысеть? Даже думать страшно. Нет уж.

Примерно через девять минут огонь на ладони Мо Линьюаня угас. Осталась щепотка пепла. Сама ладонь едва заметно порозовела — ни единого следа ожога.

Линь Цзяэр наконец выдохнул с облегчением и чинно сел рядом, не отводя кошачьих глаз от горстки пепла. Любопытство в них плескалось через край.

Пепла было... многовато. Больше, чем было самого амулета, — объёмнее и плотнее. За всю свою жизнь он ни разу не видел, чтобы после сжигания оставалось больше, чем было до. Откуда-то изнутри поднималось смутное ощущение: там что-то есть. Откуда оно взялось, он сам не знал.

— Мяу! Мяу! — не выдержал он и поторопил Мо Линьюаня.

Тот поднялся с кровати. Линь Цзяэр одним прыжком вскочил ему на плечо.

Мо Линьюань убрал чайную чашку и высыпал пепел на блюдце — раздался чёткий звонкий звук. Оба замерли.

На блюдце что-то поблёскивало.

Мо Линьюань взял это двумя пальцами, поднёс к губам и дунул. Пыль слетела мгновенно — предмет оказался безупречно чист. И от него исходило что-то смутное, трудно определяемое. Мо Линьюань долго смотрел, потом как будто что-то припомнил и обернулся к белому клубку на своём плече:

— Дабай, а это не твоё?

Линь Цзяэр не ожидал, что предчувствие оправдается. В пепле и правда что-то было.

Он впился взглядом в то, что держал Мо Линьюань. Пластинка — не то из нефрита, не то из чего-то похожего, материал не определить. Поверхность гладкая до неприличия, и вокруг неё едва уловимо клубится зеленоватое свечение. А красный шнурок — тот самый, что держал амулет, — уцелел после огня и теперь был продет сквозь маленькое отверстие в пластинке. Старая дряхлая бумага сгорела и обернулась... нефритом?

Это вообще как?!

— Мяу?! — Линь Цзяэр мгновенно потерял всякое спокойствие. Что значит «это твоё, Дабай»?! Эта штуковина со мной уже много лет, между прочим!

Мо Линьюань приподнял бровь. Он чувствовал — реакция Дабая какая-то не такая, похоже, тот отрицает. Но он не мог ошибаться.

Недолго думая, Мо Линьюань надел амулет коту на шею, рядом с подвеской с гербом клана, и слегка поправил. Два украшения легли рядом так, будто всегда были вместе — удивительно гармонично.

Линь Цзяэр похлопал лапкой по тому, что теперь висело у него на шее, и на секунду завис. Сказал «возьму на хранение» — и тут же повесил на собственного кота. Это что, так и задумывалось?

Мо Линьюань понятия не имел, что Дабай мысленно обвиняет его в мародёрстве, и принялся собирать разбросанные по кровати вещи.

Линь Цзяэр устроился у него на голове и наблюдал. Необъяснимо, но на душе стало как-то неловко. Этот человек так спокойно и аккуратно убирается — почему-то это выглядело... по-домашнему. Мирно.

Линь Цзяэр встряхнул мордочкой, прогоняя промелькнувшее слово. «По-домашнему» — применительно к этому красивому холодному мужчине. Полный бред.

Но нет — правда выглядело именно так.

Лапка сама собой потянулась — и Линь Цзяэр поймал себя на том, что уже гладит Мо Линьюаня по голове. Подушечки неспешно прошлись взад-вперёд.

Уголок губ у Мо Линьюаня чуть дрогнул. Он продолжал убираться.

А потом Линь Цзяэр опомнился — и обмер. Что он только что сделал?! Как вообще его лапа

сама по себе полезла гладить чужую голову?! Это не ребёнок, которого надо похвалить!

Во избежание дальнейших позорных инцидентов Линь Цзяэр спрыгнул в сторону и твёрдо решил держаться подальше от Мо Линьюаня.

Он не заметил, что в тот же миг Мо Линьюань опустил голову — и едва заметная усмешка на его губах исчезла без следа.

Тем временем квартиру Линь Цзяэра обыскивали методично, не оставляя ни угла.

Сунь Сикэ при расследовании очень быстро обнаружил нечто странное: среди знакомых Ван Мяо, близких настолько, чтобы подарить семейный оберег, не оказалось ни одного старше двадцати восьми лет. Линь Цзяэр, выросший рядом с ней, разумеется, сразу попал в поле зрения — а его прозвище в сочетании со словами Ван Мяо складывалось в слишком очевидную картину, чтобы её не заметить.

— Ничего не нашёл.

— Я тоже. Может, этот Линь Цзяэр таскает при себе?

— Вполне возможно. Только где он сам сейчас?

— Стоп — там кто-то есть!

Из квартиры донеслись звуки схватки, и вскоре потянуло запахом крови.

Глубокой ночью Мо Линьюань долго смотрел на свернувшегося калачиком у подушки Бельша — тот сладко спал. Накинув пиджак, он неслышно вышел.

В кабинете несколько человек, от которых разило кровью, при его появлении разом произнесли:

— Глава клана.

Мо Линьюань кивнул, жестом предложил садиться:

— Докладывайте.

— Господин, нашли клубок шерсти, который вы просили, — и остались там в засаде. Ночью пришельцы не заставили себя ждать, мы застали их врасплох. Только на этот раз они оказались сильнее прежних. Если раньше попадались уровня С, то сейчас — явно В. Они умеют перестраивать отдельные части тела в оружие прямо в бою, не то что С-уровневые, которым приходится полностью переходить в исходную форму. Сила и плотность другая. И внешне — куда больше похожи на людей.

Мо Линьюань кивнул. Это он уже знал. Пришельцы эволюционировали, и слишком быстро. Откуда они приходили, оставалось загадкой — источник всё никак не удавалось обнаружить. Хорошо хоть, что Линь Цзяэра не было дома: без Дабая рядом обычный человек оказался бы в смертельной опасности. Хотя раз они пришли именно туда — значит, охотятся на него.

Выслушав доклад, он отпустил людей отдыхать, велел с утра подготовить и передать все разведывательные данные.

Когда все разошлись, Мо Линьюань задумался о Линь Цзяэре — неизвестно где, неизвестно когда вернётся. Брови чуть сдвинулись. В глубине глаз мерцало что-то, чего он сам не осознавал. Беспокойство. И вместе с тем — странная, необъяснимая уверенность: с ним всё в порядке.

Не найдя другого выхода, Мо Линьюань написал сообщение: «Где ты сейчас? Когда вернёшься?»

Решил про себя: если до завтра ответа не будет — пустит людей по следу и обеспечит охрану. Лучше бы вовсе перевезти его к себе, до конца этой истории. Но, вспоминая, насколько Линь Цзяэр дорог Дабая... пожалуй, лучше устроить его во внешнем флигеле.

Вернувшись в спальню, он обнаружил, что белый клубок каким-то образом скатился с подушки и теперь лежал на спине — четыре лапы вверх, хвост прямой, усы ритмично подёргивались в такт дыханию.

Мо Линьюань смотрел на это зрелище с тихим весельем — и, против обыкновения, достал телефон. Снял с нескольких ракурсов.

Просматривая фотографии, он вдруг обнаружил, что взгляд намертво приковался к одной из них: на снимке на самом видном месте красовались две весьма... характерные детали кошачьей анатомии.

Мо Линьюань долго изучал снимок. Потом посмотрел на оригинал.

В холодных глазах медленно разгорелось что-то похожее на веселье.

— Совсем маленькие, — произнёс он негромко.

Хорошо, что Дабай — не обычный кот. Он отчётливо помнил: обычных самцов принято стерилизовать.

Словно почувствовав этот взгляд, хвост у кота вдруг взметнулся и упал прямо на мягкий живот — надёжно прикрыв то, что так внимательно рассматривал Мо Линьюань.

Тот убрал телефон и осторожно лёг рядом, бережно свернувшись на боку так, чтобы белый пушистый клубок оказался в кольце его рук.

Мысленно пожелал спокойной ночи.

Когда уснул и он, в ночной тиши вдруг проступил тонкий зеленоватый свет — едва заметный поначалу, он медленно ширился, разливался, пока не окутал обоих мягким мерцающим коконом.

Линь Цзяэр ощутил что-то сквозь дрему — сначала будто ветерок прошёл между лапами, потом волна тепла обняла его со всех сторон, и он потянулся навстречу этому теплу, не желая просыпаться.

А после приснились ему глаза — огромные, ледяные, устремлённые прямо на него. Но вдруг они моргнули — и обернулись глазами Мо Линьюаня.

<http://bllate.org/book/18337/1797158>